5. Некоторые казахские языковеды еще не освободились от легкого отношения к основанному на фактах научному доказательству, что имело широкое распространение у последователей Н. Я. Марра. Бездоказательные утверждения можно встретить у некоторых авторов, например, при освещении вопросов истории казахского языка (Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии, Алма-Ата, 1952), которому приписывается письменность еще в V в., а, кроме того, ряд памятников, принадлежащих другим языкам, и который возводится к «общему кыпчакскому древнетюркскому языку», неизвестному пока в науке, и даже к языку древнейшего племени уйсуней, о которых история и лингвистика не знают в сущности ничего (С. Аманжолов, Советское языковедение на новом этапе и некоторые вопросы казахского языка, указ. выше сборник; Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка...).

6. Отмеченные выше ошибки имеют своим источником «новое учение» о языке и практику научной работы у сторонников названного «учения». Наряду с ними необходимо указать на другие ошибки казахских языковедов, проистекающие от внеисторического толкования некоторых положений И. В. Сталина. Работы казахских языковедов не свободны, кроме того, от спорных или неверных утверждений, не имеющих, однако, методологического характера.

а) К числу ошибок первого рода можно отнести статическое изображение казахского языка, якобы одинакового на всех этапах своего исторического развития (Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка...), принципиальный отказ от включения в основной словарный фонд казахского языка слов иноязычного происхождения (Н. Сауранбаев, С. Аманжолов, статьи в указ. сборнике).

б) К ошибкам второго рода относится прежде всего отрицание диалектов в казахском языке (ненаучная квалификация диалектальных явлений как «искажений») (Г. Мусабаев, статья в указ. сборнике); далее, двойная классификация частей речи у А. Искакова (статья в указ. сборнике), включение в число живых продуктивных показателей именного словопроизводства заимствованных примет на *-изм*, а также несуществующего *-ат* у А. Калыбаевой (там же); утверждение, что единственной чертой, отличающей глагольное сказуемое от именного, является категория залогов у глагольного сказуемого (А. Калыбаева, указ. соч.), смешение чисто словообразовательных форм с залоговыми (А. Калыбаева, указ. соч.).

в) Существенным пробелом в работах казахских языковедов является все еще недостаточное пользование сравнительно-историческим методом, что в некоторых случаях приводит авторов к спорным или неверным утверждениям (Н. Сауранбаев, статья в указ. сборнике).

7. Перечисленные ошибки или спорные утверждения казахских языковедов, имеющие своим источником теорию и практику языковедческой работы у сторонников «нового учения» о языке или неправильное понимание некоторых положений сталинского учения о языке, говорят о том, что в лингвистических учреждениях Казахской ССР еще не преодолено влияние марровских идей, в должной мере еще не внедрено в практику научно-исследовательской работы марксистское учение о языке, гениально разработанное И. В. Сталиным.

Среди основных причин, затянувших процесс изживания идей «нового учения» о языке или приведших некоторых казахских языковедов к повторению старых ошибок, в первую очередь следует указать на слабый пока уровень научной критики и самокритики в лингвистических учреждениях Казахстана. Не случайно, конечно, отсутствие критики и самокритики в указанном выше сборнике. Его участники должны были рассказать читателю о своих ошибках в недавнем прошлом. Вместо этого они стали на путь взаимного замалчивания марровских ошибок.

Успехи дальнейшей языковедческой работы в Казахстане будут тем больше, чем шире и глубже внедрится метод свободных творческих дискуссий по важнейшим вопросам казахского языковедения.

А. С. Чикобава. Введение в языковедение. Ч. I. — М., Учпедгиз, 1952. 244 стр.

Появление работ И. В. Сталина по вопросам языковедения поставило на очередь вопрос о срочной перестройке программы по курсу «Введение в языковедение» и о создании соответствующего новой программе учебника. Для осуществления этой задачи было запланировано составление учебного пособия по «Введению в языковедение», состоящего из трех частей: первая часть, касающаяся вопросов теории языка и фонетики (автор — действ. член АН Грузинской ССР проф. А. С. Чикобава), вторая часть, включающая лексикологию, семасиологию, этимологию и лексикографию (автор — действ. член АН Украинской ССР проф. Л. А. Булаховский) и третья часть, включающая морфологию, синтаксис и стилистику (автор — акад. В. В. Виноградов).

Вышедшая в свет книга А. С. Чикобава представляет собой первую попытку создания учебного пособия по курсу «Введение в языковедение», соответствующего требованиям новой программы. Создание такого учебника — дело весьма трудное и от-

ветственное, что признает и сам автор (стр. 9)¹. Трудность его составления в значительной мере усугубляется тем, что многие общетеоретические вопросы советского языкознания еще не получили детальной и всесторонней разработки, например, вопрос о взаимоотношениях языка и мышления, об особенностях исторического развития структуры языка, проблема взаимоотношений основного словарного фонда и словарного состава языка, вопрос о внутренних законах развития языка (на материалах конкретных языков) и многие другие вопросы. Тем не менее, несмотря на наличие целого ряда трудностей, А. С. Чикобава в основном все же удалось решить задачу составления нового учебника. В нем поставлены и, на наш взгляд, правильно решены многие важные вопросы, касающиеся общественной сущности языка, его развития и происхождения.

В полном соответствии с руководящими указаниями И. В. Сталина по вопросам языкознания автор особо подчеркивает роль языка как средства общения, правильно характеризует основу языка — его основной словарный фонд и грамматический строй — как сущность его специфики, дает подробную характеристику особенностей языка, отличающих его от надстройки, подробно останавливается на критике марровской теории классовости языка. В специальных разделах учебника рассматриваются такие вопросы, как вопрос о характере и основных процессах развития языка, о развитии языков от родовых к национальным; в главе «Фонетика» дается характеристика фонетических явлений, возникающих в различных языках в процессе их исторического развития.

Неоспоримым достоинством книги является ее простой и доходчивый язык. Автор обладает способностью выразить просто и понятно сущность иногда довольно сложных вопросов, сказать о них достаточно смело и прямолинейно без трусливой обтекаемости формулировок.

Не в пример некоторым нашим фонологам, отстаивающим теорию фонемы как смысловоразличителя и стремящимся сохранить монопольное положение существующих фонологических направлений, А. С. Чикобава утверждает, что «в обоснование теоретического значения фонетики нельзя выставлять положение, будто звук является значащим элементом слова. Это положение нельзя считать правильным: наименьшей значащей единицей речи служит слово, а не звук» (стр. 141).

«Часто указывают, — замечает А. С. Чикобава, — что функция звука — различать значения: *стол — стал — стул — о, а, у* выполняют будто бы функцию различения слов. Следствие здесь путают с причиной: в этих словах различие обнаружилось лишь в гласных (*о, а, у*), но отсюда нельзя сделать вывода, что эти гласные в этих словах участвуют для того, чтобы сохранить различие, участвуют для того, чтобы не произошло омонимии (если *стол, стул, стал* различаются лишь по гласному элементу, то это объясняется исторически — различным происхождением данных слов). Если бы звуки (фонемы) имели функцию различения, в языке были бы невозможны омонимы (*мой: мой стакан и мой стакан!; мир: Мир всему миру!*)» (стр. 142).

Некоторые из языковедов, науканные в свое время «учениками» и последователями Н. Я. Марра, создавшими жупел «языка», и сейчас еще смотрят с какой-то боязнью и опасением на выдвинутый в последнее время, после опубликования работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, термин «язык-основа». Они стараются обойти вопрос о происхождении групп родственных языков, отвести ему второстепенное место, пытаются не говорить о языке-основе. А. С. Чикобава решает этот вопрос прямо и недвусмысленно: «Родственные языки ведут начало от диалектов одного и того же языка: родственные языки — это диалекты одного и того же языка, развившиеся в самостоятельные языки. Процесс превращения диалектов одного языка в самостоятельные родственные языки и есть процесс образования семьи языков. Язык, образующий материальную основу исторической общности родственных языков, иными словами, язык, от диалектов которого ведут начало родственные языки, называется языком основой» (стр. 193).

Возможность так называемой внутренней речи, т. е. представлений слов — акустических, моторных, оптических или их сочетаний, — и существование мышления на базе языковых терминов и фраз нередко ставят в тупик некоторых наших языковедов. А. С. Чикобава и здесь находит правильный выход из положения: «С мышлением непосредственно связана... внутренняя речь: внутренняя речь как бы „прорастает“ в мышление» (стр. 29).

Отметив ряд несомненных достоинств книги А. С. Чикобава, подчеркнем, что она в простой и сжатой форме раскрывает содержание соответствующих разделов новой программы. Появление первой части учебника по «Введению в языкознание» безусловно окажет помощь как читающим этот курс на филологических факультетах нашей страны, так и студентам при усвоении ими основ лингвистических знаний.

Вместе с тем хотелось бы указать на некоторые спорные и недостаточно раскрытые положения и отдельные досадные промахи и ошибки, которые, к сожалению, имеются в учебнике. Так, например, во «Введении» (§ 2) автор совершенно правильно указывает

¹ Здесь и в дальнейшем в скобках даются ссылки на страницы рецензируемого учебника.

на то, что исторический подход к фактам языка есть единственно научный подход. Но без развертывания этого в сущности правильного положения может возникнуть вопрос, как же в таком случае расценивать лингвистические работы описательного характера, например, новую академическую «Граматику русского языка»? Приходится допустить возможность аспектов изучения явлений языка в их относительной статике, не отнимая у них права на научность, если описание фактов синхронной системы языка будет соответствовать действительности. Следовало бы при этом также добавить, что до появления сравнительно-исторического метода языковые явления вообще изучались без исторического аспекта, что вело к убеждению о неизменности языковых фактов. Именно в этом основной порок так называемого «донаучного» периода развития языковедения.

Совершенно правильно указывая (гл. II, § 7), что «отдельное лицо не в состоянии ни создать язык, ни изменить его...» (стр. 28), автор должен был хотя бы в общих чертах сказать о причинах языковых изменений. Наряду с объективными и тотальными изменениями системы языка, могут быть случаи распространения новшеств из более или менее локализованных очагов на территории распространения того или иного языка. Кроме того, не точно выражение, будто бы отдельное лицо «не в состоянии использовать наличные языковые факты по своему усмотрению». В известных рамках такое использование возможно, в противном случае мы должны будем прийти к абсолютному отрицанию роли художников слова — великих писателей, ораторов, поэтов и т. д.

Может вызвать споры и изложение § 8 «Язык и мышление». Правильно указывая, что «готовых, определившихся, расчлененных мыслей не бывает, пока они не выйдут словесного выражения» (стр. 28), А. С. Чикобава утверждает, что в сознании до выражения в речи имеется только содержание мысли. Но в таком случае почему же это содержание каждый раз облекается в определенные структурные формулы, понятные для окружающих, для лиц, говорящих на том же языке? Очевидно, помимо содержания мысли, имеется какое-то представление образа и способа ее расчленения. На этот сложный вопрос автор не дает никакого ответа.

В § 11 «Что составляет основу конкретного языка?» А. С. Чикобава неверно, с нашей точки зрения, определяет основной словарный фонд как наиболее древнюю и наиболее необходимую часть словаря. Здесь явно создается впечатление о том, что основной словарный фонд — величина постоянная. Буквально на этой же странице автор утверждает, что «основной словарный фонд не есть величина раз навсегда данная: изменения языка затрагивают и слова основного словарного фонда» (стр. 33). Для читателя остается неясным, происходит ли изменения в пределах древней и наиболее необходимой части словаря, или эта часть увеличивается в количественном отношении. Чисто голословным является утверждение автора на стр. 34 о том, что «грамматический строй возможен без морфологии, но не без синтаксиса». Вопрос об абсолютной аморфности китайского языка, взятого в качестве примера, нуждается в серьезном предвзвешенном обсуждении и, во всяком случае, в существенных оговорках.

Нельзя признать удачными иллюстрации слов, относимых к классовым жаргонам (стр. 47). Слово классового жаргона обычно является достоянием этого жаргона. Если рассматривать слова *господин* и *товарищ* только с точки зрения их активной или пассивной роли в словарном запасе рабочего, то нельзя еще прийти к заключению о принадлежности их к тому или другому классовому жаргону, поскольку это слова общенародного языка. Различные некоторые аспекты употребления слов здесь явно отождествляются с критериями принадлежности слов к классовым жаргонам.

Нет достаточной ясности в определении языка как системы. А. С. Чикобава явно делает акцент на упорядоченности языковых фактов (пример с расставленными партами), рассматривая язык как совокупность закономерных формул. И лишь мимоходом, на стр. 59, упоминает о системе, «составные части которой находятся в определенной, закономерной связи друг с другом». Между тем эту взаимосвязь можно бы было продемонстрировать на конкретных примерах, взяв хотя бы такой факт в тюркских языках, как закон порядка слов: определение + определяемое и связанные с ним явления: притяжательные суффиксы, изафетная конструкция, возможность использования существительных в роли прилагательных, отсутствие определительных и обстоятельственных придаточных предложений и многое другое.

Неправомерно в § 20 «Социальные диалекты и жаргоны» автор рассматривает так называемые «профессиональные диалекты» в одном ряду с классовыми диалектами, не указывая на их довольно существенное различие. Бытующие в «профессиональных диалектах» слова — общественно полезны и необходимы. Некоторые из них переходят в общенародный язык, например *рубанок* и т. п. Поэтому необходимо разграничивать профессиональную лексику, не имеющую жаргонного характера, и профессиональную лексику жаргонного характера (например, язык офеней).

В § 21 «Язык как историческая категория» примеры можно было бы дать из области различных языков, например: древнегерманского и современного немецкого, латинского и испанского, древнеанглийского и современного английского.

В § 22 «Основные вопросы развития языка...» явно сбивает с толку читателя формулировка — «новые закономерности развития языков, таким образом, обусловлены новыми

закономерностями развития общества» (стр. 79), хотя она дается с известными оговорками. Крайне неясно и противоречиво определение внутренних законов, данное в § 23 «О внутренних законах развития языка»: «Под внутренними законами развития языка понимается все многообразие ф о р м у л и з м е н е н и й словарного состава и грамматического строя, звукового состава и звуковых процессов, значений слов и выражений, — изменений, н е с в о д и м ы х к изменениям в базисе» (стр. 81). Здесь совершенно не учтены результаты дискуссии по вопросу о внутренних законах, организованной Институтом языкознания АН СССР в январе 1952 г., где было установлено, что внутренний закон не сводим к правилам, что он шире отдельных правил. Отдельные правила могут быть проявлением внутреннего закона. Следующее далее утверждение еще более запутывает сущность этого вопроса: «Изучать эти изменения со всей точностью и во всей полноте по всем языкам и, обобщая, выявлять закономерности развития, основные тенденции развития — вот что требуется смыслом понятия „внутренние законы развития“». Совершенно непонятно, выражаются ли внутренние законы в формулах изменения или в общих тенденциях языкового развития. Далее указывается, что «внутренние законы развития строятся на частных формулах и ведут к общим закономерностям, характеризующим основные линии развития языков» (стр. 81). Что в данном случае имеет в виду автор, говоря об общих закономерностях и тенденциях развития языков, для читателя совершенно неясно.

Автор учебника тенденцию к упрощению морфологии и развитие от паратаксиста к гипотаксисту склонен рассматривать как общий внутренний закон развития языков (стр. 82). Между тем тенденция к упрощению морфологии, как известно, не является всеобщей, так же как тенденция развития от паратаксиста к гипотаксисту неизвестна многим языкам мира. Вообще нужно заметить, что этот параграф автору явно не удался.

Очень общо и суммарно изложен § 24 «О темпах развития языка». «Темпы развития языка зависят от темпов развития общества», — утверждает А. С. Чикобава (стр. 85), указывая при этом, что основной словарный фонд и грамматический строй развиваются вообще медленно. Между тем степень устойчивости основного словарного фонда и грамматического строя языка в зависимости от разных исторических условий также может быть не одинаковой: ср. степень сохранности латинского основного словарного фонда во французском языке и степень сохранности основного словарного фонда древнегреческого языка в современном новогреческом языке.

В § 26 «Об основных процессах развития языков» заметна тенденция к смешению понятий интеграции и скрещивания. Во-первых, необходимо отличать процессы интеграции в диалектах, при которой возможно даже смешение, от процессов взаимодействия разных языков. Кроме того, не всякое взаимодействие есть скрещивание. Русский литературный язык испытывал влияние со стороны французского, но с этим языком фактически не скрещивался, точно так же бретонский язык во Франции испытывает влияние со стороны французского языка, но не скрещивается с ним. Под скрещиванием понимают процесс взаимодействия языков в случаях заселения одним народом территории другого народа при ассимиляции местного населения (например, греки и эгейские народы, славяне и аборигены русского Севера и т. п.).

На стр. 104 перечень языков народностей и языков социалистических наций может вызвать возражения. Так, например, к языкам народностей отнесены такие языки, как мордовский и коми, хотя носители этих языков в настоящее время считают себя социалистическими нациями. Недостаточно четко проведено различие между литературным языком до образования нации и литературным языком и о с л е образования нации. Что означают понятия общенационального и общенародного языка и какая между ними разница, — на все эти вопросы читатель не находит исчерпывающего ответа.

Не совсем точно выражение «литературный язык, как правило, бывает один»; ср., например, такие исключения, как: эрзя и мокша — мордовские литературные языки, иронский и дигорский — осетинские литературные языки, луговой и горный — марийские литературные языки².

Наибольшее количество неточностей содержит глава «Фонетика». Эта часть курса, как показывает практика преподавания, наиболее трудно усваивается студентами. Между тем раздел о классификации звуков изложен в учебнике излишне сжато и слишком конспективно. Следовало бы изложить его более подробно и стройно, снабдив таблицами и подробными объяснениями. Пока же для русского читателя остается совершенно непонятным, например, произношение фарингальных *xʷ* и *kʷ* (стр. 156) и абрутитивов *n'*, *m'* и т. д. (стр. 158), поскольку автор учебника не дает никаких указаний на этот счет.

Недостаточно четко сформулировано в § 44 различие между долгими и краткими гласными: «Разница между ними количественная: артикуляция долгих гласных м о ж е т б ы т ь вдове продолжительнее артикуляции кратких» (стр. 152; разрядка моя. —

² В настоящее время в Северо-Осетинской и Марийской АССР литературные языки развиваются на базе одного диалекта.

Б. С.). Ничего не сказано о качественных различиях между ними, вследствие чего остается непонятым, почему же в истории языков развитие древних долгих и кратких гласных часто приводит к неодинаковым результатам. Следовало бы также указать на качественные различия между краткими и долгими гласными, например, в современном чешском языке.

Явно неудачным получился § 45 «Дифтонги и трифтонги». Утверждение автора, что один из составляющих дифтонг гласных является кратким, нуждается в поправках. В действительности один из гласных дифтонга всегда оказывается носителем слогового ударения, а другой — лишен этой слогообразующей функции. Возражения вызывает приводимый автором пример восходящего дифтонга: в немецком *ja* «да» *j* вообще не является гласным. «З а м е щ е н и е м, или с у б с т и т у ц е ю, — указывает А. С. Чикобава на стр. 167, — называется замена звука ближайшим — по артикуляционным свойствам — звуком». И тут же приводится греческое *kathedra*, которое в русском звучит как *кафедра*. В действительности русское *ф* является субститутом не древнегреческого *th*, а византийского *ϑ* (междузубного *с*). На стр. 168 автор к редуцированным звукам относит только звуки, находящиеся в неударной позиции, хотя в некоторых языках, например в чувашском и албанском, редуцированные звуки могут находиться под ударением.

Вызывают досаду довольно многочисленные случаи, на первый взгляд мелких, но недопустимых в учебнике оплошностей. Укажем лишь на некоторые.

Очевидный казус произошел с примером на трифтонг: *eye* в английском *twenty-storedge* произносится как *i* (стр. 153). Неточно транскрибированы и английские слова *newspaper*, *Shakespeare* (стр. 179). Русские *ч*, *ш* ошибочно названы аспиратами (стр. 155). Чередования звуков типа *бросать — брошу, свет — свеча* относятся не к звуковым изменениям общего характера (так называемым спонтанным), как утверждает автор (стр. 169), а к комбинаторным. Не вызывалась никакой необходимостью в применении к фактам диалектной фонетики русского языка замена привычной формы термина «чоканье» формой «чаканье» (стр. 168, см. также стр. 62).

Недостаточно ясно изложено в книге учение о фонеме, не приведены в качестве иллюстрации необходимые примеры, тем более, что само определение фонемы у автора отличается от определения, обычно даваемого фонетистами. Слишком бегло и суммарно изложена история письма. Ничего не сказано об особенностях семитского языка финикийцев как основной причине появления звукового письма и о реформе финикийского алфавита, произведенной греками.

Совершенно правильно в рецензируемом учебнике значительное место отведено генеалогической классификации языков. Изучение родственных связей между языками совершенно игнорировалось и даже отвергалось «новым учением» о языке. Советское же языкознание, освобожденное от аракатеевского режима марровцев, этому вопросу уделяет большое внимание.

Глава, посвященная классификации языков, в методическом отношении очень трудна. Классификация большого числа языков легко может превратиться в их простой перечень. Автору не удалось классификацию языков наполнить живым и конкретным материалом, сведениями о территориальном распространении языков, об их строе, истории и т. д. А. С. Чикобава предполагал (см. «Предисловие», стр. 8) дать более или менее подробную лингвистическую характеристику упоминаемых языков, а также схематические карты их территориального распространения. Следует пожалеть, что намерение автора осталось неосуществленным. Это сделало бы данную главу более живой, содержательной и конкретной. Нужно надеяться, что автор при последующих изданиях учебника подвергнет главу о классификации языков дополнительной обработке в этом направлении.

Укажем и на ряд частных недостатков в главе. Не всегда удачны наименования языков и языковых групп, которыми пользуется автор. На стр. 199 употреблен совершенно устарелый и в настоящее время оставленный языкознанием термин «алтайская, или туранско-монгольская семья языков». Неудачно название *гуджарат* вместо *гуджарати* или *гуджаратский язык* (стр. 201); вместо *праkrit* лучше употреблять множественное число *праkritы*, так как под этим термином понимается не один язык, а совокупность нескольких языков; на стр. 211 албанский язык назван *шкapiтapcким* вместо наименования *шкипетарский*, употребляющегося иногда наряду с наименованием *албанский*. Не следует обычное наименование *палеоазиатские языки* заменять неупотребительным *палеоаийские*.

Можно указать и на ряд неточностей и даже ошибок в сведениях о территориальном распространении отдельных языков. О курдском языке говорится, что он распространен на территории Ирана и Турции; почему-то забыты курды Ирака и СССР. Тут же ошибочно указывается, что курдский язык является бесписьменным. Неверно указывается и территория распространения ретороманского языка: та часть Тироля, где живут ретороманцы, находится в Италии, а не в Австрии; к тому же совершенно забыта основная территория расселения ретороманцев — Италия. Неверно указано, что население Черкесской АО говорит на адыгейском языке. Без достаточных оснований татский и талышский языки рассматриваются как диалекты персидского (стр. 203), карельский

язык — как диалект финского. Неверно указывается, что государственным языком Чехословакии является только чешский.

В некоторых случаях ошибочно интерпретируются факты отдельных языков. В сноске к стр. 185 неправильно переведено арабское *katabata* как «он убил ее»: корень *kib* означает «писать», а не «убить». Существенная ошибка имеется и в сноске к стр. 84: вместо примеров на верхне немецкое передвижение согласных ошибочно даны примеры грамматического чередования, основанного на законе Вернера. Неверно утверждение на стр. 212, что в армянском языке винительный падеж выражается префиксом. Элемент *z*, употреблявшийся в грабаре, служил главным образом для целей выражения определенности существительного в роли прямого дополнения. Сейчас этого префикса нет. Краткая характеристика финно-угорских языков на стр. 216—217 содержит неточности. Наличие, наряду с субъектным, спряжения объектного характерно только для майскийского, хантыйского, венгерского и мордовского языков. В остальных языках его не существует. Имя и глагол в этих языках дифференцированы довольно отчетливо.

Неточно и утверждение автора, что все угро-финские языки относятся к агглютинативным: в финском языке, в частности, элементы флективности довольно значительны. § 70 «Некоторые особенности индоевропейских языков» (стр. 213—214) изложен слишком кратко и бледно. Здесь бы следовало дать более подробную лингвистическую характеристику индоевропейских языков, имея в виду не только общие черты их строя, но и те различия, которые возникли в процессе их развития.

Иногда автор затрагивает частные вопросы, которым не место на страницах учебника. Например, не следовало бы здесь решать в категорической форме и вопрос об иберийско-кавказском характере хеттского языка, остающийся в настоящее время спорным. Все указанные погрешности в известной мере снижают значение этой в общем полезной и методологически выдержанной книги.

Автор сознает в полной мере исключительную трудность и ответственность составления учебной книги по «Введению в языковедение» на основе положений сталинского учения о языке. В «Предисловии» А. С. Чикобава говорит: «без помощи коллектива советских языковедов найти должное решение задачи немислимо» (стр. 9).

Критика первой части «Введения в языковедение» приблизит нас к созданию учебной книги, стоящей во всех отношениях на должном методологическом и методическом уровне. Советская высшая школа получила первую часть долгожданного учебника, основанного на положениях сталинского учения о языке. Наша цель — способствовать дальнейшему улучшению этого необходимого для наших гуманитарных вузов учебного пособия.

Б. А. Серебренников

Против вульгаризации и извращения марксизма в языковедении. Сб. статей. Под ред. В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова. — М., Изд-во АН СССР. (Ин-т языковедения). Ч. I — 1951. 432 стр. Ч. II — 1952. 502 стр.

Так называемое «новое учение» о языке акад. Н. Я. Марра нанесло огромный ущерб развитию советского языковедения. Н. Я. Марр, а вслед за ним и его последователи подменяли положения классиков марксизма-ленинизма идеалистическими по существу положениями о сущности языка, его происхождении и развитии, о связи его с мышлением, обильно оснащая свои работы псевдомарксистской фразеологией. Учение Н. Я. Марра по ряду важнейших вопросов представляло собой вульгаризацию и упрощение марксизма. Навязанное с помощью арактиевского режима, это учение глушило свободную мысль, творческие искания советских языковедов. «Малейшая критика положения дел в советском языковедении, даже самые робкие попытки критики так называемого „нового учения“ в языковедении преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языковедения»¹. Создалась обстановка, при которой была невозможной борьба мнений, свобода критики, обстановка, порождавшая нечетничество, талмудизм и приспособленчество.

Н. Я. Марр и его последователи высокомерно третировали все предшествовавшее языковедению, тем самым снимая вопрос об освоении и творческом развитии научного наследия. «Послушать Н. Я. Марра и особенно его „учеников“, можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языковедения, что языковедение началось с появлением „нового учения“ Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период»².

Отрицая принципы исследования, выработанные предшествующей наукой, игнорируя методы строго научного изучения фактов языка, Н. Я. Марр и его ученики прививали молодежи нигилистическое отношение к фактам, способствовали распространению верхоглядства и пустословия, созданию всякого рода скороспелых и нео-

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1952, стр. 31.

² Там же, стр. 34.